

Ирина Вадимовна Гучкова

Санкт-Петербургский университет

К истории становления сербского литературного языка: неологизмы в проповедях Гаврилы Стефановича Венцловича

В статье рассматривается одна из первых попыток создания сербского литературного языка на народной основе, которая была предпринята проповедником Гаврилой Стафановичем Венцловичем в первой половине XVIII в., задолго до новаторской деятельности Вука Караджича. В условиях господства церковно-славянского языка сербской редакции в качестве сербского литературного языка, Венцлович активно вводит народный язык в свои проповеди, стремясь к тому, чтобы они были понятны слушателю и воздействовали на него эмоционально. В статье впервые на материале неизданной рукописи 1732 года анализируются стилистические авторские неологизмы — существительные со значением лица (носителя признака или производителя действия), созданные по продуктивным моделям и легко интерпретируемые. Краткий обзор небольшой группы неологизмов Венцловича позволяет продемонстрировать характер художественных приемов и поисков языковых решений Г. Ст. Венцловича.

Ключевые слова: славяносербский язык, становление сербского литературного языка, Гаврила Стефанович Венцлович, славянизмы, авторские неологизмы.

Долгое время сербские лингвисты за отправную точку в истории сербского литературного языка принимали победу идей Вука Караджича, предложенных им в начале XIX в. По свидетельству Лиляны Суботич, в сербистике считалось, что изучение славяносербского языка, далекого от “диалектного”, то есть народного говора, мало может дать для исследования аутентичного сербского языка, в основе которого лежит языковая норма В. Караджича [Суботић 2006, 511]. XVIII век оценивался как период отдаления от славянской традиции при формировании сербского литературного языка, и лингвисты больше интересовались теми явлениями, которые сближали XVIII век с новой эпохой, а не фактами, связывающими его с предыдущим периодом. Изменению такого взгляда способствовали работы Александра Младеновича, Йована

Кашича и других ученых так называемой “новосадской школы”, посвященные народному языку воеводинских писателей эпохи до В. Караджича (см., напр.: [Младеновић 1964; Кашић 1968]).

В контексте установившейся трактовки истории сербского литературного языка понятно изумление, возникшее в 60-е гг. XX в., когда из архивов было извлечено на свет огромное рукописное наследие Гаврилы Стефановича Венцловича — около 9 тыс. страниц на “народном” языке. Откуда в первой половине XVIII в. мог возникнуть целый корпус оригинальной в языковом отношении литературы высокой художественной ценности, с богатой библейской образностью, совмещающей народные и церковнославянские черты в органичном единстве?

О личности Г. Ст. Венцловича известно немного. Сохранились лишь скудные свидетельства: письма, записи в церковных метриках и редкие высказывания самого “ученого монаха”, позволяющие воссоздать общую картину его жизни. Известно, что, занесенный волной миграций 1690 г.¹, он оказывается на территории южной Венгрии, в городе Сентандре, где становится послушником и учеником монахов монастыря Рача, также бежавших от турецкой угрозы на север. Монастырь был одним из немногих сохранившихся центров сербской средневековой культуры; его монахи, продолжатели кирилло-мефодиевской традиции, занимались прежде всего переписыванием старых богослужебных и учительных книг. По окончании обучения Венцлович становится странствующим проповедником, путешествует вдоль верхнего течения Дуная и читает проповеди местному населению, в основном состоявшему из простых сербских лодочников. Именно в этот период (20-е–40-е гг. XVIII в.) он создает свои проповеди на народном языке.

Фигура Венцловича уникальна во многих отношениях. Единственный среди писателей того периода, он использует для написания текстов два языка — церковнославянский язык сербской редакции (далее ЦСЛ СР) и сербский народный диалект, при этом четко разделяя эти языки, в том числе графически: проповеди на народном языке написаны в основном скорописью или полууставом, тогда как украшенные богатыми инициалами и иллюстрациями тексты сакрального характера на “священном” церковном языке — уставным торжественным письмом. Период творческой активности Венцловича совпадает со временем введения церковнославянского языка русской редакции² (далее ЦСЛ РР) в качестве языка церковной администрации и образования, однако он остается верен традиции, усвоенной при обучении у монахов-рачан: в его сочинениях практически отсутствуют следы славянизмов русской редакции. Перед Венцловичем стояла сложная задача: создать литера-

турный язык на народной основе в период господства диглоссии. Для этого необходимо было осуществить слияние церковнославянского и народного идиома таким образом, чтобы один тип языка поддерживал другой для обеспечения максимальной понятности текста [Анђелковић 2011, 612].

Венцлович был гораздо менее образован по сравнению со своими современниками, обучавшимися в элитных украинских школах — лучших образовательных учреждениях во всем православном мире того времени. Но именно благодаря этому, а также благодаря жизни в окружении простых верующих языковое чутье Венцловича не подверглось иноязычным влияниям. В отличие от своих “ученых” современников, Венцлович проповедует на народном языке, в то время как “украинские” ученики обращаются к пастве на ЦСЛ РР — официальном языке Карловацкой митрополии. Несмотря на отсутствие схоластического образования западного образца, Венцлович на протяжении всей жизни занимался филологическими изысканиями и сумел предвосхитить некоторые позднейшие преобразования в сербском языке. В частности, более чем за сто лет до Вука Караджича он осуществил попытку реформирования алфавита и начал использовать ряд букв, которые были позже введены в обиход Караджичем и закрепились в современном сербском литературном языке.

Обращение Венцловича к сербскому народному языку не было выражением сознательной идейной позиции и преследовало чисто практические цели: говорить с паствой на понятном для нее языке, уберечь ее от агрессии униатов, указать на пороки, ободрить и утешить, призвать к добродетельной жизни. Писательство для него — один из способов служения, работа, ничуть не менее значимая для существования человека, чем крестьянский труд. Частой метафорой в его сочинениях становится писатель как сеятель семени — слова истины, как кормилец человеческих душ и их врачеватель.

Проповедь в рассматриваемую эпоху получает чрезвычайно важное значение, она даже переносится с конца богослужения в его середину. Широкое распространение получают сборники проповедей, составлявшиеся в помощь священникам, которые не могли создавать собственных проповедей. Право на собственную проповедь имело лишь небольшое число ученых богословов, остальные должны были придерживаться печатных сборников проповедей (позже собственные проповеди в сербской православной церкви вообще были отменены и было предписано читать проповеди из сборников Симеона Полоцкого [Тимотијевић 1996, 67]). Вероятно, при жизни Венцловича контроля за употреблением

сборников проповедей еще не было, он сам выбирал проповеди из доступных сборников и переводил их на народный язык. Таким образом, сочинения Венцловича не являются совершенно оригинальными, однако и переводными их назвать трудно: в текст переводов он добавляет реалии окружающей жизни, поясняет малопонятное, пересказывает и комментирует отрывки из Священного Писания.

Факт, что Венцлович не являлся автором оригинальных сочинений, несуществен для исследования его языка. Более того, по оценке Н.И. Толстого, в период бытования древнеславянского языка (а Венцлович является наследником этой традиции) именно переводная литература отличалась наибольшим богатством с лингвистической точки зрения и оказала наиболее сильное влияние на развитие литературного языка и восточных, и южных славян [Толстой 1988, 44].

Не являясь вполне оригинальным писателем в плане содержания (а надо учесть, что этого не только не требовал, но и не допускал жанр проповеди), Венцлович в полной мере проявил свою оригинальность в плане выражения. Один из ранних исследователей его рукописей, Владан Йованович, указывает на такую особенность его языка, как наличие большого количества необычных слов или слов, имеющих необычную форму, используемых вместо хорошо известных народных слов. В. Йованович объясняет это спешкой, с которой Венцлович писал проповеди, и отсутствием времени для поиска подходящего слова в народном или церковнославянском языке, что и заставляло Венцловича создавать собственные слова, не всегда удачные по форме [Йовановић 1911, 218]. Однако анализ контекстов в рукописях Венцловича, в которых появляются неологизмы, показывает, что автор создавал и употреблял их вполне сознательно.

Говоря о неологизмах в языке сербских писателей XVIII в., необходимо проявлять особую осторожность, так как отсутствие таких слов в словарях не может быть доказательством их окказиональности: эти слова могли существовать в местных говорах или в письменном языке, но не были зафиксированы лексикографами, поскольку сербских диалектных словарей крайне мало. Есть вероятность, что эти лексемы могут быть обнаружены позднее у других писателей того же периода. Тем не менее, отсутствие лексем в словарях и их особое, экспрессивное окружение в тексте позволяют с некоторой долей осторожности отнести их к авторским неологизмам.

В сочинениях Венцловича в изобилии представлены так называемые стилистические неологизмы, созданные по продуктивным моделям. Они семантически прозрачны и обычно легко интерпретируются. Это неудивительно, поскольку Венцлович употреблял их в проповедях,

читаемых перед паствой, состоявшей в основном из простых крестьян и лодочников. Цель проповедника — дойти до умов и сердец слушателей, и это требование обуславливает особый характер языка проповеднических сочинений, в которых максимальная понятность сочетается с высокой образностью, нередко поэтичностью, и, вероятно, для достижения этой цели Венцлович обильно использовал неологизмы и необычные формы и сочетания слов.

Большую долю среди неологизмов Венцловича занимают сложные слова, замещающие синтагму и в сгущенной, образной форме представляющие то, что можно высказать описательно. Он также часто использует экспрессивные слова, образованные с помощью аугментативных или диминутивных суффиксов, служащие для выражения порицания или, наоборот, ласкового, любовного отношения пастыря к пастве.

Особенно характерными для языка Венцловича являются отглагольные существительные с суффиксом *-лац* обозначающие носителя процессуального признака или производителя действия. Далее рассмотрим несколько примеров неологизмов Венцловича, относящиеся к 1) сложным словам и 2) простым суффиксальным образованиям.

1. Одна из основных задач проповеди — привлечь внимание к порокам и указать на способы борьбы с ними. Отсюда такие неологизмы, как *среброжелилац*, *митоузималац*, *кривомерилац*. Все три слова имеют прозрачную конкретную семантику и позволяют точно, с использованием минимальных средств указать на порок, о котором идет речь — сребролюбие, лихоимство, лукавство.

Пересказывая известную притчу о мытаре и фарисее, Венцлович вкладывает в уста фарисея следующие слова: *Хвалим те о тому Боже, што ја нисам такав, ка остали што су људи, неправи и зли, закидачи и туђождериоци* ‘Благодарю тебя, Боже, что я не такой, как другие люди, неправедные и злые, которые обчитывают друг друга и присваивают чужое’.

В другом месте, обличая порок жадности и лихоимства, Венцлович впечатляюще изображает носителей этого порока: *туђограштиоци, с неправдом, туђе сузе с крвљу гутајући и мешто леба, гризући људско месо* ‘...неправедно присваивающие чужое, глотающие чужие слезы, смешанные с кровью, и поедающие вместо хлеба человеческое мясо’.

Есть среди его неологизмов и лексемы с положительной семантикой. Излюбленным приемом проповедей Венцловича является прямое обращение к слушателям, с укором или (правда, значительно реже) с похвалой, как в следующем примере, где Венцлович хвалит прихожан за внимание и готовность, с которой они принимают его наставления: *каде вас видим ту скупа, неразходне се слушаоце и радопримаоце*.

тако и отселе без лености, и одвише опет радим за ваш хатер ‘Когда я вижу вас всех вместе, усердных слушателей, с радостью принимающих слово, я забываю свою усталость и снова готов без лености трудиться ради вашей пользы’. Венцлович называет своих слушателей *радопримаоце*, то есть те, кто с радостью принимает словесные дары, которые им даются.

В другом месте Венцлович создает следующий эпитет для опосредованного названия Бога: *о свему веитозналац*, представляя одну из ипостасей божества — ‘Всеведущий’.

Нередко в текстах Венцловича встречаются авторские устойчивые сочетания, представляющие собой нераздельное семантическое единство, одна из частей которых изменяется, тогда как другие остаются неизменными: *на зло усталац* ‘человек, падкий на грех’, *злу пантилац* ‘злопамятный человек’, *много злопатилац* ‘человек, много терпящий’ (в данном контексте — за правду).

2. Для расшифровки простых неологизмов на *-лац*, образованных от одной основы, требуется контекст. Так, в примере с любимым Венцловичем приемом перечисления: *сваки скочац готов на кавгу помамник несвестан. такођер друг му је и крвник, љутица плантит, разједижилац се женски, пијаница и среброљубац, намђоран и мрштилица. смушена су то браћа* ‘всякий готовый на ссору бешеный безумец, также и друг его мучитель, злой и раздражительный, охочий до женщин, пьяница и сребролюбец, хмурый упрямец... все это ненадежная братия’ слово *разједижилац* становится понятно только в сочетании с определением *женски*, а также благодаря окружению других слов с негативной семантикой: *разједижилац* – это тот, кто легко распаляется при виде женщин.

Лексема *лебдилац*, образованная от глагола *лебдети* с прямым значением ‘парить’, ‘порхать’ и переносным ‘сильно заботиться о чем-либо/ком-либо, беречь что-либо/кого-либо’ [Речник МС] используется для описания человека, придающего слишком большое значение материальным ценностям: *лебдилац за новци, пашти се само на земљи се у ганилуку обживити хузурно* ‘жадный до денег, заботится только о том, чтобы прожить на земле в благополучии и праздности’.

Слово *јватолац*, на первый взгляд, простое и ясное обозначение жующего существа, приобретает в тексте Венцловича метафорическое значение: оно используется при описании духовной трапезы, на которой проповедник насыщает слушателей сладкой, душеполезной наукой: *с разликобеседљивом науком, до ситости и’ залагати на сладко без омразе се и’ обоим, даваоцем и јватоаоцем*. Здесь Венцлович дает

наставление проповедникам, которым следует кормить слушателей поучительными беседами так, чтобы было сладко и приятно как тем, кто кормит (то есть проповедует), так и тем, кто вкушает (то есть слушает).

Краткий обзор небольшой части неологизмов, в изобилии представленных в рукописях Венцловича, позволяет продемонстрировать характер языка Венцловича, его художественных приемов и поисков.

Рукописи Венцловича, остававшиеся в полном забвении вплоть до 60-х гг. XX в., до сих пор ожидают всестороннего лингвистического исследования. Они не оказали какого-либо влияния на развитие сербского литературного языка, поскольку после кончины автора перестали быть актуальными: вспомним, что сербская православная церковь ввела ЦСЛ РР в качестве языка образования и письменности, а позднее это место занял славяносербский язык, значительную долю в котором занимали церковнославянские элементы русской редакции, слабо представленные в сочинениях Венцловича. И, наконец, язык Вука Караджича также оказался антогонистичен языку Венцловича, поскольку исключал из своей сферы церковнославянизмы любой национальной редакции как чуждые и непонятные народу.

После победы “вуковского” типа языка для заполнения лексических лакун в основном использовались слова и выражения, существующие в народном языке, лишь в исключительных случаях допускалось создание новых слов по образцу имеющихся или использование сербизированных заимствований, при этом не приветствовалось использование сложных слов как несвойственных народному языку, а тем более создание окказионализмов при наличии эквивалентов в народном языке. Такой подход во многом ограничивал лексико-стилистический инвентарь писателя. Вук Караджич, ощущая недостаточность народного языка для выражения тех или иных понятий (особенно при переводе Нового Завета), допускал очень умеренное использование неологизмов, создавая их по продуктивным моделям; они не имели экспрессивной функции и по форме максимально соответствовали существующим в народном языке словам, что отражало стремление Караджича соблюсти однородность сербского литературного языка.

Отказ от церковнославянизмов не только означал разрыв с многовековой традицией книжности на церковнославянском языке, но также приводил к существенному обеднению сербского литературного языка на семантическом уровне: славянизмы традиционно использовались для передачи “высоких”, абстрактных понятий, отсутствовавших в народном языке. Кроме того, при выборе только одного идиома в качестве основы для литературного языка сокращался его стилистический диапазон.

Авторские неологизмы — один из путей обогащения литературного языка на народной основе, добавляющий ему новое измерение экспрессии, метафоричности и поэтичности. Лексемы, идентифицированные в языке проповедей Венцловича как неологизмы, отличаются высокой образностью и поэтичностью, позволяют точно, с использованием минимальных языковых средств передать идею или понятие, на которые проповедник желает обратить внимание слушателей.

Деятельность Г. Ст. Венцловича, создававшего свои проповеди в переломный для развития сербского литературного языка период, оказалась за горизонтом новой культурно-языковой ситуации в Сербии. Однако попытки создания сербского литературного языка на народной основе, но без разрыва с кирилло-мефодиевской традицией (как это произошло после победы “вуковского” типа языка) и без ненормированного смешения с иноязычными элементами (что характерно для славяносербского типа языка) заслуживают внимания и важны для более полного представления истории становления сербского литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 1690 год в сербской истории называется годом “великого переселения”, так как после поражения в австро-турецкой войны, где сербы под руководством патриарха выступили на стороне австрийцев, многие сербы покинули родину и бежали на север, за Саву и Дунай.

² Церковнославянский язык сербской редакции долгое время выполнял функцию письменного языка сербов. Ситуация изменилась в конце XVII в., когда сербы вынуждены были покинуть родину после неудачного завершения австро-турецкой войны и переселиться на территорию южной Венгрии. Для сохранения национального самосознания и относительной политической независимости сербов на новой территории сербская православная церковь осуществила так называемую “оборонительную языковую переориентацию” [Поповић 1996, 111]: вместо ЦСЛ СР был введен ЦСЛ РР, сначала в качестве языка богослужения, церковной администрации и образования, а позднее (правда, ненадолго) и языка литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Анђелковић М., 2011: О неколиким језичко-ортографским особеностима Венцловићевих Беседа на Божић, *Српски језик: Студије српске и словенске*, бр. XVI. 611–626.

Јовановић Вл., 1911: О језику Гаврила Стефановића-Венцловића, *Српски дијалектолошки зборник*, 2. 105–306.

Кашић Ј, 1968: *Језик Милована Видаковића*, Нови Сад.

Mladenović A., 1964: *O narodnom jeziku Jovana Rajića*. Novi Sad.

Поповић Љ., 1996: Два идеолошка принципа понарођивању (вернакуларизацији) српског књижевног језика крајем осамнаестог и у првој половини деветнаестог века, *Књижевност и језик*, 3–4. 107–128.

Суботић Љ., 2006: Књижевнојезичке прилике код Срба у 18. веку, *Сусрет култура* (зб. радова). 505–516.

Тимотијевић М., 1996: Гаврил Стефановић Венцловић и барокна пикторална поетика, *Рачански зборник*, 1. 61–72.

Толстой Н.И., 1988: *История и структура славянских литературных языков*.

Речник МС = *Речник српскохрватског књижевног језика*: Матица Српска — Матица Хрватска: књ. 1–3: Нови Сад — Загреб, 1967–1969; Матица Српска: књ. 4–6: Нови Сад, 1971–1976.

IRINA GUČKOVA

History of the Modern Standard Serbian Language: Neologisms in the Sermons of Gavrilo Stefanović Venclović

The article deals with the neologisms in the sermons of Gavrilo Stefanović Venclović, a Serbian writer of the XVIIIth century, who was among the first to use Serbian vernacular as a standard language for the purpose of writing sermons. After the Vuk type of written language had won, lexical gaps were filled mainly words and expressions already present in the vernacular. This method provided a very limited stylistic and lexical inventory for the writers. Venclović's stylistic neologisms, possessing such qualities as picturesqueness and semantic transparency, served to draw attention of the audience to the text of the sermon. Rooted in the biblical tradition, they represent a 'bridge' between the Old Church Slavonic lexical legacy and the Serbian vernacular, as well as demonstrate the possibility for the creation of a standard language based on vernacular, without divorcement from the tradition of Cyril and Methodius. For a more detailed analysis of the neologisms in the language of Venclović's sermons the author has chosen the category of verbal nouns with the suffix *-lac*, which were further categorized into complex and simple nouns, according to the derivation feature.

Key words: Slavonic-Serbian language, formation of the standard Serbian language, Gavrilo Stefanović Venclović, Slavonicisms, authorial neologisms.

IRINA GUČKOVA

Iš serbų literatūrinės kalbos raidos: neologizmai G. St. Venclovičiaus pamoksluose

Straipsnis skirtas vienam pirmųjų bandymų sukurti serbų bendrinę kalbą remiantis liaudies kalbos tradicijomis, atliktam dar pirmoje XVIII a. pusėje pamokslininko Gavrilos Stefanovičiaus Venclovičiaus (apie 1680–1749). Neseniai atrasti Venclovičiaus pamokslų rankraščiai rodo gana aktyvią serbų liaudies ir bažnytinės slavų kalbos atmainų sąvei-

ką. Šio pamokslininko kūrybai būdingi stilistiniai neologizmai, pasižymintys vaizdumu ir semantikos skaidrumu. Naujadarai sukurti Venclovičiaus tam, kad atkreipti klausytojų dėmesį, priversti klausytis pamokslo teksto. G. St. Venclovičiaus novatoriškumą parodo straipsnyje analizuojami priesaginiai vediniai ir dūriniai – veiksmožodiniai daiktavardžiai su priesaga *-лац*. Įsišakniję Biblijos tradicijoje Venclovičiaus neologizmai yra savotiškas tiltas tarp serbų liaudies kalbos ir bažnytinės slavų leksikos paveldo.

Reikšminiai žodžiai: bažnytinė serbų kalba, literatūrinės serbų kalbos raida, Gavriła Stefanovičius Venclovičius, autoriai neologizmai.

E-mail: igutch@mail.ru

Поступило в редакцию: 27 марта 2014 г.

Принято к печати: 14 мая 2014 г.